

В деревне Чжао погода была суровой: зимой — пронизывающий холод, летом — душная, липкая жара. Даже в лёгкой одежде было трудно дышать, а уж тем более тем, кто стоял у самого огня. Чжун Цзыци и Чжао Нин, не отходившие от печи, буквально обливались потом — капли стекали по лицу, словно дождь. Но вытереться у них не было ни мгновения.

Чжао Чжэнъянь, закончив с расчётами, как обычно вернулся и встал рядом с Чжун Цзыци. В этот момент он заметил, как одна капля пота на его лбу вспыхнула в лучах солнца, будто драгоценный камень. Его губы недовольно сжались, взгляд быстро скользнул по сторонам — и, подняв рукав, он осторожно вытер эту каплю, словно касался чего-то бесценного.

Чжун Цзыци даже не нужно было поднимать голову, чтобы понять, кто это. На его красивом лице сама собой расцвела мягкая улыбка.

Чжао Нин, стоявший рядом, не удержался от поддразнивания:

— Ну и любовь же у вас... Смотришь — и завидно становится!

Цзыци язвительно отозвался:

— Не переживай, скоро тебе не придётся завидовать.

Чжао Нин смущённо замолчал. Ему уже исполнилось шестнадцать — возраст, когда пора вступать в брак. Если затянуть, потом будет сложнее найти подходящего человека. Поэтому в последнее время его ама уже подыскивал ему пару.

Чжао Шэн молча наблюдал за этой сценой, и в его глазах мелькнула улыбка. Его младший брат никогда не мог переспорить Цзыци-гэ. Раньше Цзыци был тихим и сдержанным, редко говорил, и потому Чжао Нин болтал за двоих. Но стоило довести Цзыци — и тот отвечал несколькими острыми словами, после которых брату оставалось только закрыть рот. Теперь же Цзыци стал куда более открытым, и в словесных перепалках Чжао Нин и вовсе не имел шансов.

Тем временем жара усиливалась, и людей становилось всё больше. Маленький прилавок уже не справлялся — мест катастрофически не хватало. Дядя Сун не возражал, когда к нему подсаживались — они были знакомы и даже связаны общими интересами. Но с остальными торговцами таких отношений не было. Пусть они и вели себя дружелюбно, Цзыци не хотел никого просить об услуге.

Но толпа всё росла, почти перекрывая проход. Что же делать?

Цзыци с тревогой огляделся, пытаясь найти выход. И вдруг его взгляд упал на Чжао Чжэнъяня, который возвращался с пустой миской в руках. В глазах Цзыци вспыхнула искра.

Он тихо что-то сказал Чжао Шэну. Тот удивлённо посмотрел на него, но всё же ушёл выполнять просьбу.

А Цзыци прочистил горло и громко обратился к собравшимся:

— Дорогие гости, вы сами видите — мой прилавок слишком мал, вам тесно и неудобно есть. Поэтому с этого момента вы можете взять лапшу вместе с миской за семь вэнь и поесть где угодно. Не волнуйтесь: две вэнь — это залог за миску. Вернёте её — получите деньги обратно. А если нет — эти две вэнь и будут её стоимостью. Как вам такое?

Цена миски и так составляла две вэнь, так что Цзыци вовсе не завышал стоимость.

Такой способ ведения торговли люди видели впервые. Однако, поразмыслив, они поняли, что в этом нет для них никакого подвоха, и один за другим согласились — тесниться им и правда было невыносимо.

Вскоре вернулся Чжао Шэн. К удивлению окружающих, в его руках была кисть и небольшой тушечный камень с чёрной тушью. Оказалось, он по просьбе Чжун Цзыци ходил к дяде Хуану одолжить письменные принадлежности.

Цзыци принял кисть и, улыбнувшись ошарашенной толпе, сказал:

— У меня всего чуть больше тридцати мисок. Чтобы никто не попытался подсунуть свою, я помечу каждую. Так я смогу отличить их — и это будет гарантией для всех. Надеюсь на ваше понимание.

Его слова вызвали самые разные реакции: кто-то досадовал, кто-то смущённо отводил взгляд, кто-то восхищался, а у кого-то загорелись глаза. Цзыци всё это видел — и лишь улыбался. Вот только была эта улыбка тёплой или холодной — сказать было трудно.

— Ладно, хозяин, ставь свои метки! Я уже от жары умираю, хочу есть! — выкрикнул кто-то, и многие тут же подхватили.

Цзыци взял миску в левую руку, кисть — в правую и аккуратно вывел цифру «1». Затем подержал миску у огня, чтобы тушь быстрее подсохла. Следом взял вторую, написал «2» и передал Чжао Нину. Тот сразу понял, что делать, и поставил её сушиться у огня.

«Арабские цифры» — Цзыци был уверен: если только в этом мире нет такого же пришельца, как он, никто не поймёт их смысла. А почерк... он знал его слишком хорошо — подделать такое не получится. Всё благодаря тому, что в прошлой жизни он родился в семье учёных: каллиграфии его обучал дед. Жаль только, ни он, ни его старший брат так и не захотели идти по пути преподавания.

Он писал, пока не дошёл до тридцати семи, и только тогда остановился. Сам удивился — неужели у них дома столько мисок?

— Ну вот, теперь можно спокойно есть. Кто хочет взять с собой — подходите ко мне. Кто остаётся здесь — покупайте у него, — он кивнул на стоящего рядом. — Встаньте в очередь, чтобы не было путаницы.

Люди нерешительно выстроились в две линии. Кто-то заплатил семь вэнь, взял помеченную миску и ушёл, но, пройдя пару шагов, обернулся — проверить, всё ли в порядке. Убедившись, что никто его не останавливает, он ускорил шаг. За первым последовал второй, третий... А те, кто возвращал миски, получали свои деньги обратно после быстрой проверки меток. Это быстро укрепило доверие.

Когда усталость навалилась, а горло пересохло, Цзыци вспомнил о вчерашних заготовках. Он чуть наклонился к Чжао Чжэнъаню и тихо прошептал:

— В мешке на тележке есть кувшин. Осторожно достань, не пролей. Разлей содержимое — освежимся немного.

— Хорошо, — кивнул тот, с любопытством гадая, что же там внутри. Обычно всё вкусное Цзыци сразу давал ему попробовать, а тут — такая тайна. Он даже не заметил, когда тот всё это приготовил.

Чжао Чжэнъань подошёл к тележке. В сером мешке действительно лежал тяжёлый керамический кувшин, горлышко которого было обёрнуто тканью. Он аккуратно развязал её, открыл крышку — внутри оказались аккуратные кусочки фруктов. Он сразу узнал грушу и яблоко.

Вспомнив вчерашний грушевый отвар, он решил, что это нечто похожее, и налил четыре небольшие миски, после чего закрыл кувшин.

Окинув взглядом занятых делом остальных, он поднял одну миску и сделал глоток.

— Хм?

Он удивлённо посмотрел вниз. Вкус... совсем не такой, как вчера.

Он попробовал кусочек груши — и сомнений не осталось. Это было куда вкуснее: мягкое, сладкое, с лёгкой хрустящей свежестью.

Глаза его расширились. Он быстро осушил миску до дна, а затем осторожно понёс оставшиеся три обратно. Сначала протянул одну Чжун Цзыци — почти с какой-то тихой нежностью — и только потом передал остальным, Чжао Шэну и Чжао Нину.

Эти двое тоже сразу поняли, что перед ними. Они решили, что это то же самое, что и вчера, и, не раздумывая, осушили миски — а затем, как и Чжао Чжэнъань, заметили разницу.

— Цзыци, это ведь не то, что вчера? — причмокнув, спросил Чжао Нин.

— Мг, способ приготовления другой. Вчера был грушевый отвар, а это... называется фруктовый компот, — не задумываясь ответил Цзыци и сам, чувствуя жажду, сделал большой глоток.

— Компот? Это что такое?

— Эм... просто другой способ готовить.

— А-а... — Чжао Нин не стал расспрашивать дальше.

Он-то замолчал, но другие — нет.

— Парень, а что это ты пьёшь? — кто-то с любопытством заглянул. — Выглядит вкусно.

— Точно, дай нам тоже попробовать!

Эти люди уже считались постоянными покупателями. Пусть прошло всего два дня, но они уже безоговорочно доверяли мастерству Чжун Цзыци. Поэтому всякий раз, когда у него появлялось что-то новое и необычное, они не столько удивлялись, сколько начинали жадно коситься.

На красивом лице Цзыци появилась вежливая, но сдержанная улыбка:

— Это мелочь, чтобы освежиться самим. Продавать я это не собирался.

— Да ладно тебе, не будь таким скупым!

— Вот именно, мы заплатим!

В итоге, под напором, Цзыци пришлось уступить и начать продавать — по две вэнь за миску.

На самом деле он не хотел этого по двум причинам. Во-первых, двух блюд на прилавке и так хватало, чтобы занять их по уши — добавлять ещё одно означало только усложнить всё. Во-вторых, слишком много хорошего неизбежно привлекает лишнее внимание. Откровенно отнимать клиентов у других — дело опасное, легко вызвать недовольство. Пусть он уже и перетянул часть покупателей на себя... но пока он не укрепился, лучше не выставлять всё напоказ.

Две вэнь за миску — цена немаленькая. Одна миска лапши стоила пять вэнь, вместе с посудой выходило семь — для многих это было слишком дорого. Немало людей лишь вздыхали и отступали. Даже одна миска лапши для некоторых уже казалась роскошью. Ведь за день большинство зарабатывало всего несколько десятков вэнь — и то если повезёт с работой или удастся получить щедрое вознаграждение у зажиточных хозяев. В противном случае и десять-двадцать вэнь считались обычным заработком.

К тому же сладковатый вкус фруктового компота нравился не всем мужчинам. Зато он легко покорила сердца ама и детей.

Взглянув на часы, Цзыци понял, что день уже наполовину позади. Жара всё ещё давила, но палящий зной полудня спал. Он решил сворачивать прилавок. На самом деле, если бы он остался, дела шли бы неплохо — особенно вечером, когда рабочие возвращались с работы. Но Цзыци не хотел задерживаться допоздна: во-первых, это было небезопасно, а во-вторых, целый день, проведённый на улице, оставлял мало времени на домашние дела.

Деньги никогда не кончатся — к ним нужно относиться с мерой. Все устали, и впереди ещё много дней. Как обычно, он пополнил запасы для следующего дня и отвёз продукты к дяде Хуану, а также рассчитался за аренду. После этого четверо неспешно отправились домой.

Дома Цзыци хотел угостить Чжао Нина и Чжао Шэна ужином, но те вежливо отказались. Им тоже было неловко постоянно питаться у него — это выглядело бы странно.

Цзыци не настаивал, рассчитался с ними и проводил до двери.

Затем он аккуратно закрыл дверь, вошёл в дом и высыпал на стол заработанные деньги, чтобы пересчитать. Сегодня удалось заработать почти четыреста вэнь, а огурцы и хурма остались примерно третью от запаса. Цзыци подумал, что если сохранять такой темп, цель — построить новый дом — уже не за горами.

Ведь в этой комнате раньше жило много людей, и, несмотря на его лёгкую склонность к аккуратности, мысли о том, что здесь могли жить чужие, неизвестные люди, а возможно, кто-то даже умер, вызывали у него внутреннее беспокойство. Теперь, когда появились деньги и возможность, он мечтал построить дом по своему вкусу — такой, каким ему самому хотелось бы жить, с планировкой и уютом, продуманными до мелочей.

Но чем лучше дом, тем больше денег потребуется — путь к цели будет долгим и непростым.

Чжао Чжэнъань тихо сидел рядом. Увидев, как жена, уткнувшись в разложенные на столе медные монеты, улыбается сама себе, он склонился и с любопытством спросил:

— Жена, тебе это нравится?

— Конечно, нравится! — серьёзно ответил Цзыци, словно читая лекцию. — Я тебе скажу: деньги в этом мире не решают всего, но без них — никуда.

Если бы не этот едва сдерживаемый смешок на его губах, его слова звучали бы ещё убедительнее.

То, как они зарабатывали эти деньги, совсем не похоже на получение зарплаты в современном мире. Понять это без собственного опыта невозможно: это была настоящая награда за труд — искренняя, осязаемая и заслуженная.

Чжао Чжэнъань моргал своими тёмными глазами, слушая почти не понимая. Последние слова жены были слишком сложны для него, он не уловил весь смысл. Но одно он понял ясно: Цзыци любит деньги. В сердце он прочно это запомнил — ведь это было впервые, когда Цзыци открыто сказал, что ему что-то нравится.

<http://bllate.org/book/16132/1603373>